

СПЕЦНАЗ | БЕРИИ

ЧУЖОЙ ИЗ НАШИХ

АЛЕКСАНДР ТАМОНИКОВ

МОСКВА

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Т17

Тамоников, Александр Александрович.

Т17 Чужой из наших / Александр Тамоников. — Москва : Эксмо, 2026. — 320 с.

ISBN 978-5-04-229813-4

Июль 1941 года. Советское командование поручает группе Максима Шелестова встретить в районе Бобруйска нашего резидента полковника-антифашиста Ральфа Бозра. У того на руках копии секретных документов, которые он добыл в германском генштабе. Оперативники выходят в нужный квадрат, когда район со всех сторон охвачен немецкими танковыми клиньями. Сплошной линии обороны нет, остатки наших частей мужественно сражаются в отрыве от главных сил. Чтобы найти Бозра в такой неразберихе, отряд Шелестова вынужден рассекретить себя и оказаться на виду у передовых частей вермахта...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Тамоников А.А., 2024

© Оформление.

ООО «Издательство «Эксмо»,
2026

ISBN 978-5-04-229813-4

ПРОЛОГ

Пейзажи за окном вагона тянулись унылые. Именно тянулись, а не мелькали, не проносились. Поезд шел с остановками, и серые мрачные осенние картины усугублялись следами прошедшей здесь войны. Обнаженные леса, сбросившие свою листву, казались черными, обгоревшими. Почерневшие непаханные поля. Подобно гнилым зубам, болезненно торчали закопченные трубы печей там, где когда-то стояли деревни и села. То и дело, точно призраки прошлого, появлялись сгоревшие останки автомашин и танков.

Даже в мягком вагоне было холодно, и Шелестов, накинув на плечи шинель, сидел у окна, грея ладони о стакан горячего чая. Буторин, спавший на соседней полке, пошевелился, посмотрел в сторону окна и, сбросив шинель, уселся, спустив ноги.

— Оршу проехали? — спросил он.

— Да, в стороне осталась, — тихо ответил Шелестов. — Помнишь эти места?

— Три с половиной года прошло, а все будто вчера было. Я тогда начинал подумывать, что нам уж и не выбраться к своим.

Да, 41-й год... Кто прожил его на западной границе, кто хлебнул лиха с самого начала войны со всеми ее ужасами, потрясениями, отчаянием — забыть тот год не смогут еще очень долго. А может быть, и никогда. И самое страшное даже не немецкие танки, которые давили в чистом поле безоружных красноармейцев и колонны беженцев, не «мессеры», которые гонялись чуть ли не за отдельными машинами. Самым страшным было видеть глаза людей — жителей городов и поселков, — когда из города уходили на восток последняя часть, последний батальон. И люди каменеют от страха, зная, что вот-вот в город войдут вражеские солдаты. Бросать беззащитных людей, идти мимо них, опуская глаза, больно, жутко.

И тут Шелестова бросило грудью на откидной столик в купе. На верхней полке коротко ругнулся проснувшийся Коган. Поезд вдруг стал резко тормозить. В соседнем купе упал чей-то чемодан, где-то заплакал ребенок. По коридо-

ру мимо дверей побежал проводник, успокаивая пассажиров.

— Что происходит? — Буторин босиком вышел в коридор и схватил за рукав проводника.

— Ничего страшного, товарищи командиры, экстренное торможение. Никакой опасности. Пожалуйста, оставайтесь в своих купе. Я скоро принесу чай.

— Тут не чаем пахнет, — проворчал Буторин и, вернувшись в купе, принялся натягивать сапоги.

Причина остановки была обычная для военного времени. На восстановленном после боев мосту через речку Оршицу обнаружилось повреждение. Пускать через него поезда было опасно, и движение остановили на двое суток, как обещали ремонтники. Большой необходимости добираться на перекладных в Оршу или Смоленск не было. Вряд ли это ускорило бы возвращение группы в Москву.

— Ребята, — Коган, стоя на железнодорожной насыпи рядом с вагоном, смотрел куда-то вдаль, приложив ладонь козырьком к глазам, — а ведь это было здесь. Помните тот батальон лейтенанта Морозова?

— Как там у Леонида Утесова, — задумчиво вставил Сосновский, — «...Одессу покидает последний батальон». Мы тоже уходили из Крас-

ной Слободы под Бобруйском с последним батальоном.

— Уходили, — добавил Коган, поднял с насыпи обломок кирпича и со злостью швырнул в поле. — Только у них было право сражаться и умирать, а у нас нет. У нас был долг и приказ выполнить до конца задание. А значит, уходить мимо домов, не глядя в глаза жителям...

— Тут какой-то населенный пункт виднеется, — кивнул Шелестов в сторону возвышавшихся за лесом куполов церкви. — Может, туда двинем? Выпросим у коменданта машину, съездим к тому месту, где остатки батальона приняли свой последний бой.

В хозяйстве коменданта нашлась много повидавшая на своем веку полуторка с расшатанным кузовом. Через час плутания по раскисшим за эту осень проселкам они выехали к берегу речушки, где тогда находилось село. Там стояли дома, дымились трубы. Жизнь налаживалась, но Буторин толкнул Шелестова локтем в бок и указал на опушку леса:

— Смотрите!

Коган постучал по кабине и, перегнувшись из кузова, стал указывать бойцу за рулем на памятник. Несколько минут занял путь на пригорок, где начинался лес. Оперативники спрыгнули из кузова и, подойдя к памятнику, сняли

фуражки. Так и есть, то самое место, где три с лишним года назад они в последний раз виделись с лейтенантом Морозовым — последним офицером полка. Здесь их оставалось всего несколько человек. Свежевыкрашенный масляной краской деревянный памятник. И деревянная дощечка, на которой чьей-то неопытной рукой тонкой кисточкой написаны звания и фамилии. Хорошо знакомые фамилии. И в памяти вставляли лица тех, с кем оперативники выходили в далеком 41-м из окружения. Да, вот они:

рядовой Суконников А.

рядовой Беспалов Ф.

сержант Капков С.

старшина Рябов И.

и еще пять фамилий бойцов 1449-го стрелкового полка.

— Здесь нет фамилии Морозова, — заметил Шелестов.

— Могли не сохраниться документы, — мрачно предположил Буторин. — Когда бьет артиллерия, рвутся снаряды, то и от людей мало чего иногда остается. А мог и в плен попасть. Жаль парня...

— Кто-то же их хоронил, — сказал Сосновский и обернулся в сторону дереvушки.

ГЛАВА 1

Лето 1941 года.

Шли дни, недели, а с западной границы сведения поступали одно тревожнее другого. Ситуация на Западном фронте, преобразованном из Западного особого военного округа, ухудшалась буквально на глазах. Платов несколько дней не видел Берию. Делая свою повседневную работу, анализируя поступающую информацию, он не имел ни малейшего представления о том, что планирует советское высшее руководство, как оно намерено изменить ситуацию. Дальнейшее развитие событий по существующему сценарию могло привести к скорой катастрофе: наиболее боеспособные, самые оснащенные современной техникой и вооружением части и соединения гибли сейчас под ударами немецких танковых клиньев, под бомбами, которые валили сверху армады фашистских

бомбардировщиков. И усугублялась ситуация тем, что переставала поступать информация от наших разведчиков из-за границы, особенно из Германии. Каждое сообщение, каждая крупинка информации были сейчас на вес золота. И наконец терпение Платова закончилось. Взяв давно приготовленную папку, он просто пришел в приемную Берии и уселся на стул: «Буду сидеть до тех пор, пока меня не примут и пока мне не объяснят, что происходит. Что происходит на фронтах, я знаю, а вот что происходит в Кремле, узнать необходимо. Иначе как работать дальше?»

Берия вошел из коридора в приемную в два часа ночи, увидел Платова и остановился, глядя себе под ноги. Желваки генерального комиссара государственной безопасности ходили под кожей щек, что говорило о его взбешенном состоянии, довольно редком для Берии. Но Платов был сейчас готов ко всему. Даже к тому, чтобы написать рапорт и отправиться на фронт, заниматься разведкой в частях, даже командовать ротой, взводом. Рядовым с винтовкой в руках, черт возьми. Но только не бездействовать.

— Зайди, — бросил Берия и ушел в кабинет.

Платов вошел следом, остановился напротив стола, вытянулся по стойке «смирно» и собрался было высказать все, что он думает о том, что

происходит на западной границе и даже уже не только на границе. Страна один за другим теряла города, районы. Но Берия поднял глаза на Платова, холодно блеснули глаза за стеклами очков, и внутри у Платова спало напряжение, сжимавшее внутренности так, что трудно было дышать. Будем работать, понял он, несмотря ни на что, будем работать и делать свое дело, которое, кроме нас, сделать никто не может.

— Ругаться пришел? — холодно спросил Берия. — Позицию свою демонстрировать? Заявишь, что рапорт написал и на фронт хочешь? В боевые порядки пехоты? А ты умеешь воевать в пехоте? И я не умею. Вот сиди и не дергайся. Занимайся тем, что умеешь лучше других. Мы здесь спасти страну должны, а не там.

— То, что происходит на западной границе... — начал было Платов, но Берия сорвался на крик:

— Я знаю, что происходит на западной границе! В причинах разберемся потом, а сейчас надо исправлять положение. Каждый на своем посту должен это делать! — Берия замолчал, поднял было руку, чтобы снять и протереть очки, но ничего не сделал и, глядя в стол перед собой, добавил уже спокойно: — Прости, Петр Анатольевич. Я тоже, как выяснилось, не железный. Что-то конкретное есть по ра-

боте? Срочное, что требует моего вмешательства?

— Есть, Лаврентий Павлович, — ответил Платов, сам удивившийся, насколько собственный голос вдруг снова стал звучать спокойно, убедительно и деловито. — В аварийном режиме вышел на связь агент Васильев. Наверное, не выдержали нервы. Скопировать документы он не успел. Забрал оригиналы, какие смог, и покинул Берлин. Через два дня просит встретить его в указанном им месте в районе Бобруйска. Документы из стратегического пакета «Барбаросса».

— Так, сорвался, значит, — подвел итог Берия. — Васильев — это тот, который полковник Генштаба. Поздновато, конечно, нам бы год назад иметь эти документы. Как ты сам считаешь, есть какая-то ценность в материалах, которые он несет?

— Определенно есть, Лаврентий Павлович, — кивнул Платов. — Там анализ положения советских войск, дислоцированных в европейской части СССР, задачи предстоящих тактических операций, поставленные группам армий, авиации и военно-морскому флоту. Частично мы сейчас и сами можем сделать выводы о таких задачах, судя по направлениям ударов, но все же это только наши догадки. Также све-

дения о пополнении за счет резервов германских армий, действующих по плану «Барбаросса», в ходе военных действий. Мы имеем сведения, что двадцать второго июня по мобилизационному плану для этой цели Германия готова была выделить триста семьдесят девять тысяч человек. А это значит, что армия отмобилизована по штатам военного времени — и это не провокация, не попытка нас запугать, а потом остановиться и диктовать условия. Это война на уничтожение. Есть сведения по анализу некоторых вооружений. Генштаб учитывает, что по численности артиллерии Германия и Румыния, вместе взятые, уступают Советскому Союзу. Указаны и преимущества советской авиации, особенно дальней.

— Ты говорил, что группа Шелестова хорошо начала работать и справляется со сложными заданиями? Отправляй их на место встречи. Большим силам соваться нельзя. Будет заметно. А маленькой группой сейчас там в этой каше проще просочиться. Все детали операции — на твое усмотрение, Петр Анатольевич. Мне сейчас не до этого. Отправь группу и займись другим вопросом. Учти, что об этом задании пока знаем только мы с тобой. По результатам, возможно, буду докладывать.

— Хорошо, Лаврентий Павлович, — ответил Платов.

— Нам нужен надежный контакт, который обладает необходимой информацией, способный эту информацию получить по своим каналам. Информатор должен выяснить, на каких условиях Германия согласится прекратить войну против СССР.

— Вы все-таки полагаете, что ее можно еще остановить? — спросил Платов. — Я думаю, что этот вопрос можно попытаться прозондировать через посла Болгарии в Москве Ивана Стаменова.

Группа Шелестова в эти дни находилась на конспиративной квартире на Чистопрудном бульваре и готовилась к новому заданию в условиях начавшейся войны. Подробностей задания Платов пока не сообщал, и группа занималась изучением информации, поступающей с западного направления, и первыми разведывательными сведениями. Конечно же, ни для кого в группе факт нападения Германии на СССР не был неожиданностью. Неожиданностью было то, что Красная армия с каждым днем все дальше откатывалась на восток, оставляя города и села, неся огромные потери. Члены группы не были новичками в своем деле, именно поэтому Платов и собрал с разрешения Берии этих людей вместе. Максим Шелестов несколько лет проработал в разведотделе, Сосновский и Будо-

рин не один год отдали службе за кордоном, Борис Коган был опытным следователем Особого отдела НКВД. И все же создавшейся ситуацией потрясены были все.

Платов открыл дверь своим ключом, и все в комнате обернулись. Все, подготовка закончена и сейчас будет получено задание? Отправляют туда, на фронт, где решается судьба Родины? Шелестов ближе всех к начальнику, но спиной чувствовал, какое напряжение сейчас в комнате среди его товарищей. Платов снял шляпу, повесил ее на вешалку у двери и прошел в комнату, внимательно успев глянуть на каждого.

— Прошу садиться, товарищи, — коротко сказал он, развязывая тесемки большой картонной папки. — Сейчас вы получите задание.

Развязав тесемки, Платов вытащил и развернул на столе крупномасштабную топографическую карту. Наверное, он почувствовал, какие вопросы сейчас будет задавать группа, а может, и сам Шелестов. Платов вспомнил, как совсем недавно он с таким же настроением и с такой же решимостью все выяснить шел в кабинет Бери. Он хотел ответить резко на незадаанные вопросы, осадить пыл оперативников, но потом передумал. Эти люди ни в чем не виноваты. И сейчас он будет отправлять их на смертельно опасное задание. И это понимает он, хоро-

шо понимает Берия. Вскоре поймет и вся группа, окунувшись в кровавую кашу на западном направлении.

— Сейчас самое главное не слова, товарищи, — негромко, спокойным тоном заговорил Платов, положив ладонь на карту. — Можно долго говорить о том, что кто-то виноват, обвинять в непрофессионализме, трусости, нерешительности и даже в измене. Но вы же взрослые, опытные люди, вы прекрасно понимаете, что ответов на эти вопросы вы все равно сейчас не получите. Для ответов на такие вопросы нужно время. И не изменят ничего ответы. Ведь защищать Родину нужно вне зависимости от ответов. Сейчас вам поможет холодный разум, а не эмоции. Поможет вам, а значит, поможет Родине.

Оперативники, хмуря брови, переглянулись, в знак согласия кивнули и расселись вокруг старого круглого стола. Платов убрал руку с карты, взял карандаш и обвел его тыльной стороной часть лесного массива.

— Запоминайте местность. У вас с собой будут карты, но пометки делать на них я запрещаю. Вот это участок Сужанского лесничества. Видите — условный знак «родник» в березняке? Это место встречи. Вылет сегодня ночью. Все необходимое получите на аэродроме перед вылетом. На выход к месту встречи у вас сутки.

— А если объект не придет на место встречи? — сразу же спросил Шелестов. — Сколько нам его ждать?

— Четыре дня, — прозвучало как приговор. — Больше не имеет смысла, потому что через четыре дня этот лесной массив окажется в глубоком тылу врага. А теперь о подробностях вашей встречи. Там, в лесу у родника, вы встретите немецкого офицера — полковника германского генерального штаба Ральфа Боэра.

— Ничего себе! — не удержался от восклицания Сосновский. — Кабинетные работники у немцев в передовых частях в атаку ходят? Вот это уровень вербовки! Преклоняю голову!

— Боэр — антифашист, — проигнорировав замечание Сосновского, продолжил Платов. — Он никак не связан с антифашистским подпольем, и это спасло его, позволило оставаться в генеральном штабе. Убедить Боэра остаться там, не вербовать себе единомышленников и вникать в обстановку удалось в свое время мне. К сожалению, полковник имеет доступ к военным решениям, а не к политическим. Большого вам знать не нужно, это лишняя информация. Ценность самого полковника как провалившегося агента уже не так велика, как ценность документов, которые он несет с собой. Я думаю, что у Боэра сдали нервы. Не имея вре-

мени и возможности скопировать нужные документы, он решил просто выкрасть их и попытаться перейти с ними линию фронта. Об этом он мне сообщил в радиограмме, попросил прислать группу прикрытия и указать место встречи с этой группой.

— Документов хватились, как и самого полковника, — сказал Шелестов. — Он расшифровался, и сейчас по следу вашего агента идет и гестапо, и СД, и абвер. Шансов добраться до Бобруйска у него очень мало.

— Мало, — согласился Платов и стал показывать на карте: — Гудериан наступает на Бобруйск двумя танковыми дивизиями, для того чтобы форсировать Днепр. Если он еще овладеет переправами через Днепр у Рогачева, то откроет дорогу на Смоленск и Москву. В этом случае ему удастся обойти наши укрепленные позиции между Днепром и Западной Двиной и отрезать нашим войскам пути отхода. Но дойти до Днепра быстро у немцев пока не получается, хотя до Рогачева оставалось всего пятьдесят шесть километров. Танки Гудериана сталкивались с дорогами, размытыми ливнями, с заболоченными участками, со взорванными мостами. Они теряют темп наступления, отбивая яростные атаки остатков 4-й армии Сандалова. Немцы пытаются строить через многочислен-

ные реки мосты, которые постоянно пытаются разрушить наши бомбардировщики. Так что несколько дней у вас в запасе есть, и вы можете успеть. Может успеть и Боэр.

— Там сейчас нет сплошной линии обороны, — согласился Буторин. — Пока немцы прорываются танковыми клиньями, он может добраться до Сужанского лесничества. Даже сможет добраться незамеченным. Если он возьмет с собой радиостанцию и будет выходить в эфир...

— Бесполезно, — перебил Платов. — В полосе наступления немцы глушат все частоты. Вашей группе задача ясна, Максим Андреевич?

— Так точно, ясно, — по-военному ответил Шелестов. — Любой ценой спасти и доставить в Москву немецкого полковника и документы, которые он несет с собой.

— Хорошо, а теперь я вам покажу фото полковника. Запомните хорошенько его лицо, — Платов вытащил из папки фото и положил на стол. И, пока оперативники его рассматривали, описывал внешность немца. — Возраст сорок два года, рост сто восемьдесят два сантиметра, волосы темно-русые, глаза серые. Телосложение обычное. Особые приметы: еле заметный небольшой шрам на подбородке с левой сторо-